

РИНАТ ВАЛИУЛЛИН
В КАЖДОМ
МОЛЧАНИИ СВОЯ
ИСТЕРИКА

Ринат Рифович Валиуллин
В каждом молчании
своя истерика
Серия «Антология любви»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8285971

В каждом молчании своя истерика: Антология; М.; 2019

ISBN 978-5-17-100040-0

Аннотация

Петербург. История одной дружбы, двух предательств, трех желаний и четырех углов, где мечет икру любовь. Все началось с того, что она сидела перед ним, перелистывая свои бесконечные ноги, а он, еще ни разу не читавший таких интересных книг, не знал, с какой страницы начался этот роман. Роман, в котором дружба, выдержанная годами в сосуде взаимопонимания, медленно оплеталась гибкой лозой любви до тех пор, пока стекло не треснуло и изнутри не брызнула горячая кровь мести и ненависти.

Ринат Валиуллин

В каждом молчании

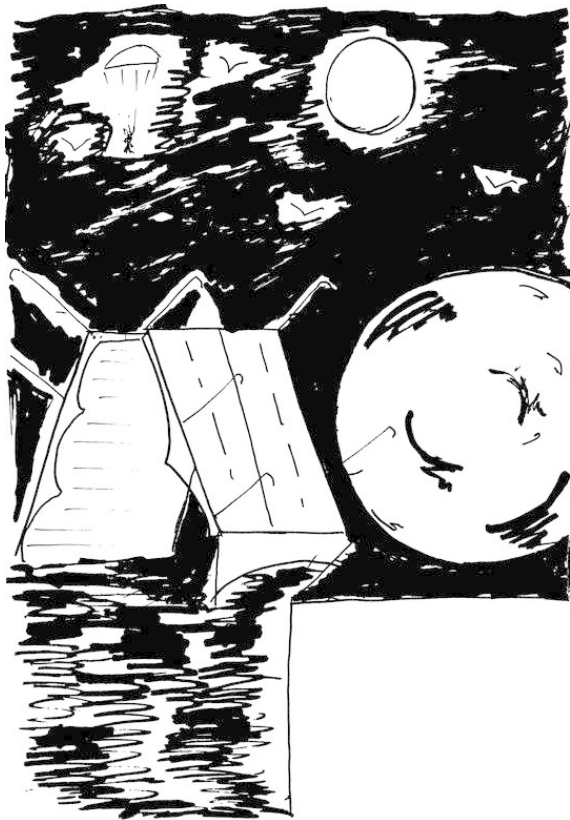
своя истерика

© Валиуллин Р., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

*** * ***

*Стоит быть богом, хотя бы для того, чтобы
верили.*

* * *

Перед прыжком я на автомате проверил подвесную, кара-

бины и как руки дотягиваются до систем основного и запасного парашютов. Потом оглянулся и посмотрел на Антонио. Он нервничал и, отводя глаза, хлопнул мне по груди дважды ладонью. Губы мои нарисовали в воздухе «с Богом», в следующую секунду я решительно шагнул в открытый воздух, который, пытаясь подхватить меня, быстро разогнал до пятидесяти метров в секунду. Раскинув в стороны руки и ноги, будто пытаюсь объять необъятное, я радовался птицей и любовался пейзажем внизу, который тоже спешил ко мне навстречу. Всеми своими клетками я ощущал, насколько тот притягателен. Земля хотела обнять меня. Я уже предвкушал то самое острое ощущение, когда должен раскрыться парашют и тело мое зависнет в тишине, достигнув терминальной скорости, когда я смогу просто лечь на поток воздуха. Свист тишины в ушах превратился в один сплошной крик неба, когда яркая лампочка солнца неожиданно осветила в памяти истощенный вопль маленькой Фортуны в испанском парке «Аventura» и ее лицо, искаженное капризом. Девочка непременно желала получить желтого цыпленка, которого я только что случайно выиграл в одном из аттракционов. Из ее чистых глаз катились отборные слезы.

– На! Воспитывай! – недолго думая, протянул я девочке игрушку. Та обняла ее, засветилась, и цыплят стало двое. Антонио, ее отец, в знак благодарности протянул мне открытую бутылку «испанской крови». Я глотнул вина, и мы двинулись к выходу. К жаркому солнцу на небе, от которого

сильно хотелось спрятаться в тень или в море, прибавилось еще одно: Фортуна порхала от счастья впереди нас, мы втроем: я, Антонио и его жена Лара – брели, оплавленные жарой и вином, сзади. Тем летом я отдыхал с семьей моего лучшего друга на побережье Средиземного моря. В то время как мы разлагались на пляже, жена моя с сыном осталась дома. Несмотря на осень, климат в Испании в это время мне казался гораздо приятнее, чем в семье. Я видел разные семьи – счастливые и не очень, многочисленные и неполные, богатые и с низким уровнем жизни, с террасами для вдохновения и с тесными кухнями, где пространство было заставлено квартирными вопросами, – моя семья была без удобств. Причина, конечно же, лежала во мне. Она жила во мне своей личной жизнью и диктовала свои требования, она играла ту самую главную роль любой причины: причинять неудобства.

Номер в отеле был однокомнатный с балконом, с видом на соседний отель. Две двуспальные кровати и раскладушка. Я сразу же занял раскладушкой балкон, там и проводил все ночи под настольной лампой луны и скрипичную симфонию сверчков. После ужина в отеле Антонио и Лара, словно по договоренности, уединялись в номере, а мы с шестилетней Фортунной шли изучать окрестности, пройдя сквозь лавку, где я покупал для нее сладости, себе – бутылочку красного и хамон.

– Сегодня мы пойдем вот к той горе, видишь? – указал я ей рукой, когда мы вышли с Фортунной к побережью, которое

переливалось праздными огоньками фламенко. Потом откупорил бутылку, понюхал и сделал хороший глоток. Красная магия враз погасила внутривенную жажду.

– На которой огни? – Девочка все еще надеялась, что я передумал.

– Да.

– Фу ты, так далеко. А она сама не может к нам подойти?

– Будь ты Мухаммед, она бы подошла, – взял я ее за руку.

– А это кто?

– Пророк.

– Пророк – это тот, кто предсказывает? – не останавливался поток ее мыслей.

– Да.

– Значит, как мой дедушка. Он тоже любит предсказывать футбол и погоду.

– Ну и как?

– По-разному, – сжала Фортуна крепче мою ладонь.

Мы шли медленно, наматывая на свои ноги набережную, которая, казалось, была бесконечна. Несмотря на быстро сползающие сумерки, народу на побережье не убавлялось. Люди шли, зеркально-заинтересованные своим отдыхом, и в одну, и в другую сторону. Фортуна уже отцепилась от моей руки и весело скакала по плиткам дорожки, наступая на избранные, то и дело подбегая ко мне за новой конфетой. Потом снова исчезала, позвякивая розовым рюкзачком. Я протягивал ей кулек, из которого она вылавливала очередную

порцию допинга, и удалялась. Я же прикладывался к стеклу бутылки, делая небольшие глотки прекрасного испанского пойла. Рьоха была моей любимой женщиной в этот вечер.

– Ты не скучал? – наконец, устав прыгать по тротуару, спросила она и повисла на моей руке.

– Нет. Я не умею скучать, – свернул я с асфальта на песок, ближе к морю.

– Правда?

– Да.

– А меня научишь? Я жутко как скучаю, когда одна, – согласились ее ноги с изменением маршрута.

– Хорошо, – глотнул я вина.

– Сейчас? – улыбнулась она.

– Нет, вот когда тебе станет скучно, тогда и начну учить, – сел я на песок и стал снимать сандалии. Фортуна тоже последовала моему примеру.

В этот момент, оторвавшись от стайки людей, рядом с нами полуобнаженной кометой пронеслась женщина, взвизгнув тормозами голосовых связок, за ней мужчина. Вскоре он ее догнал и завалил на песок. Женщина смеялась о чем-то безудержно, пока он не заткнул ее смех поцелуем.

– Не смотри, они целуются, – отвернулась от них Фортуна.

– Прямо жених и невеста.

– А где твоя невеста? – опять уставилась на парочку Фортуна.

– Невесты нет, есть жена, она осталась дома с сыном.

– Я тоже когда-то хотела братика. Потом решила, что лучше собаку, – отложила сандалии в сторону и увлеклась своими маленькими пальчиками на ногах, перебирая их, как кнопки баяна.

– Чем лучше?

– Она будет моя.

– Логично. Разве у вас есть собака?

– Нет, вместо собаки мне купили платье, вот это, – встала она и расправила его. – Правда, я в нем похожа на невесту?

– Правда, – отхлебнул я из бутылки тринадцатиградусный закат.

– Ты женишься на мне, когда я вырасту?

– У меня уже есть одна жена.

– Может, разведешься? – посмотрела она на меня украдкой.

Я никак не ожидал такого поворота:

– Может, лучше искупаемся?

– Я бы на месте тети Милы своего мужа никогда бы одного не отпустила, – настаивал на своем предложении цыпленок.

– Почему?

– А кто бы тогда любил меня? Мне нравится, что ты разговариваешь со мной, как со взрослой, – поправила она косички.

– Мне тоже, – не придумал я ничего больше для ответа.

– А ты не знаешь, отчего появляется седина? – неожиданно достала из оперативной памяти залежавшийся вопрос

Фортуна.

– От похолодания в мозгах.

– Мама говорит – от любви. У моего папы уже есть на висках, я видела, когда его причесывала. Ты веришь в любовь с первого взгляда?

– Нет, я верю только в кофе, утром, дома, сваренный не мной.

– Я тоже не верю.

– Тебе еще рано.

– Нет, не рано. У меня уже была. Правда, мало.

– А что случилось? – спросил я серьезно.

– Он попросил у меня карандаш. Я сказала ему, что дам, если возьмет меня в жены. Антон сказал, что подумает, и взял карандаш у Оли. С тех пор я не люблю имя Антон.

– Из-за карандаша?

– Да нет, не только. Вот папа всегда твердит, что любит маму, а как праздник – танцует с тетей Милой. Потом мама плачет всю ночь или, чего хуже, вешается тебе на шею.

– Чем хуже? – вспомнил я один из вечеров, когда она, пьяная, признавалась мне в несуществующей любви. – Это же только танцы.

– Значит, ты не любишь мою маму?

– Нет, – ответил я без раздумий, глядя на одинокую яркую звезду в небе, как на икону.

– Какое счастье!

Я тоже почувствовал себя счастливым после этого просто-

го признания.

– И она тебя не любит?

– И она меня, – стянул я с себя шорты.

– Ах, – озвучило за нее волной и донесло до меня еще один вздох облегчения море.

– А папа любит тетю Милу?

– Не думаю.

– А ты подумай.

– Нет. Они просто дружат.

– А чего тогда мама так расстраивается?

– Мамам только дай повод, – стянул майку и кинул на песок. Потом подошел к самой воде так, что набегавшие на берег волны могли хватать меня за щиколотки. Ветер направил на меня свое дуло, пугая порывами и демонстрируя, что чем шире ты открываешь для себя мир, тем мощнее сквозняк. – Купаться будешь? – крикнул я Фортуне, которая уже достала из рюкзака совок и рыла им песок, думая про себя, на сколько песочниц хватило бы этого пляжа.

– Я не люблю ветер, – ответило мне не по годам мудрое дитя.

– От ветра я тебе дам одеяло.

– Какое одеяло? – оторвала она голову от своего мира, где она жила в золотом вихре своих роскошных волос.

– Голубое, – залег я на границе воды и суши. – Вот смотри, – сделал я вид, что прихватил накатившую волну, натянул ее до груди и отпустил. Одеяло съехало обратно.

– Ух ты! Я тоже так хочу!

Фортуна быстро вынырнула из своего сарафанчика, под которым был купальник, и легла недалеко от меня, задрав голову, пытаясь поймать свое одеяло. Но волна никак не хотела ее укрывать.

– Холодно. Ты все одеяло на себя стянул, – собралась она обидеться.

Но в этот момент появилась именно та самая седьмая волна, которая закутала нас обоих в один соленый смерч. Я был начеку и подхватил за руку девочку, которая не успела испугаться, лишь весело взвизгнула, а придя в себя, начала ладошкой сгонять морскую воду с лица:

– Здорово! Еще хочу.

Мы побарахтались в пучине некоторое время, затем выбрались на берег, отлежались, оделись и начали метать в море камни, кто дальше, пытаясь попасть в лунную дорожку.

– А почему море волнуется? – новые вопросы возникли в маленькой желтой голове с косичками.

– А кому понравится, когда кидают камнями?

– Оно и раньше волновалось.

– Ну, мы же не одни. Кстати, нам пора уже обратно, пойдем? – метнул я к звездам каменный кусок земли. Туда, где бледная луна уже игриво покачивала стройной ногой. Она смотрела на собственную дорожку, которая делила море на две части.

– Угу, – запустила Фортуна еще один своей тонкой ручон-

кой. Отряхнула ладони, поправила сарафан, я подал ей руку, и мы двинулись в обратный путь. Было заметно, что ребенок устал: мячик сдулся и уже не прыгал.

– Забирайся на шею, повезу тебя, как принцессу, только, чур, за звезды не цепляться, – пытался я приободрить остатки ее духа.

– А ты принц, который сильно в меня влюблен, – сидя на моих плечах, осторожно обхватила она мою голову руками, чувствуя себя королевой бала.

– Безумной большой любовью.

Я держал ее маленькие ножки для подстраховки, те бились мне в грудь при каждом шаге, будто хотели достучаться до сердца.

– А маленькая, она какая?

– Когда женятся, заводят детей и наблюдают за большой по телевизору.

– Значит, у моих родителей маленькая, – с грустью заметила Фортуна и замолкла на некоторое время.

В холле отеля мы встретили Антонио. Он тонул в большом кожаном кресле, держась за журнал, как за спасательный круг.

– А ты что здесь?

– Вас думал перехватить. Анекдоты читаю, – предложил нам Антонио свои немного уставшие глаза, которые только что были завернуты в газету.

– А где мама? – повисла на шее отца Фортуна.

– В номере, ждет тебя. Фортуна, ты все анекдоты помяла, – начал он расправлять пострадавшую бумагу.

– Так они еще смешнее будут, – заступился я за Фортуну.

– Мы еще с дядей Оскаром прогуляемся перед сном. А ты беги к маме, – посмотрел Антонио на свою дочку.

– Нет, хочу анекдот, – осветила своими большими глазами отца девочка.

– Они для взрослых, Фортуна.

– Ну и что?

– Ладно, слушай. «Вечер обещает быть замечательным», – солнечно улыбнулся день. «Вечер наобещает, а мне расхлебывай, – недовольно зевнуло утро. – Пойду лучше заварю себе чаю».

– А что такое «расхлебывай»? – пропищал цыпленок.

– Ладно, Фортуна, давай к маме. Она тебе расскажет.

– Еще хочу!

Мы с Антонио переглянулись.

– «Уходишь?» – «Да». – «Насовсем?» – «На работу.»

– Уже лучше, – улыбнулся я.

– «Вчера проснулась, а тебя нет. Где ты был, дорогой?» – «А где ты проснулась, дорогая?»

– Тоже не смешной, – пожал плечами ребенок. – Пока, дядя Оскар, пока, папочка, – поцеловала девочка в щеку отца и побежала по коридору в номер, сверкая своим свадебным платьем.

– Пока, милая! – лизнул он ее воздушным поцелуем. После этого сложил газету, и мы двинулись в бар, куда уже давно спустилась ночь. Атмосфера внутри была накурена, публика порывиста, юбки короткие, музыка игрива.

* * *

«Какое ласковое семейство улыбок», – посмотрела Лара на мужчин, встретивших ее в холле. И улыбки эти, словно гладкие прохладные рыбки, сверкающие чешуей зрачков, норовили проскользнуть под платье или даже под кожу, чтобы купаться затем там, в океане ее души, питаться ею и тут же гадить. «Нет, не люблю я улыбающихся мужчин или, точнее сказать, не доверяю», – отмахнулась она от их лести легкой походкой, оставив лифт наедине с его пустотой.

Ночь сопела, звенели звезды, танго кумара в местном баре. Из соцветий беспечно лился приятный голубоватый свет, лепестки – розовые, красные, свежие – манили в полумраке, поблескивая открытыми участками кожи, подобно тем участкам, на которых можно было возделывать сады и собирать урожай. Мимо нас прошел мужчина с бокалом в руке, кронам многочисленных столов – сорвать один из цветков, зная, что, скорее всего, он потеряет здесь ползарплаты, полночи, лицо наутро, и все это ради того, чтобы понюхать любовь.

Мы заняли столик подальше от барной стойки и марино-

вали губы в вине и бесполезных разговорах. От нечего делать я наблюдал за соседним столиком, там в поту уставших бокалов мужчина томил молчанием свою женщину, ладонь ее приютила половину лица, она грустила, словно «дама с абсентом» Пикассо. В этом взгляде читалось длительное отсутствие кого-то и полное – себя, два вселенских мазка в глазах говорили, что женщины пьют не от хорошей жизни, женщины пьют от жизни горечь глотками любви. В тумане сигарет нас обнимал Синатра. Когда неожиданно ножницами оголенных стройных ног бар ровно на две половины разрезала прекрасная женщина. Ноги направлялись прямо к нам: это была Лара.

– Такая красивая сегодня, ты что, влюбилась? – встал и начал ворошить стулья Антонио.

– Да встретила одного лет пять назад, до сих пор не оторваться, – облагородила она своими формами наш мужской клуб.

– Как ночной проспект сверкаешь, – добавил я от себя лично. Мне пришлось прибавить звук своему голосу, чтобы эти комплименты оказались ярче, нежели те, что раздавал всему залу Синатра. – Вилки замолкли, стекло перестало звенеть, мир парализовало. А всему причиной твоя красота.

– Хочешь мою жену? – расщедрился Антонио на волне испанского красного.

– Нет, для адюльтера мы слишком крепко подсели на дружбу и на красное, – поднес я бокал к губам, и лоза аро-

матов окутала мои ноздри.

– Какой ты добрый, Антонио. То, что ты такой щедрый, еще не значит, что я соглашусь, – засмеялась Лара.

– Нет, не добрый, он великодушный, – поддержал я в трудную минуту Антонио.

– Я знал, что ты меня никогда не предашь, Лара, – добавил он, извиняясь за тупую шутку.

– Откуда такая уверенность? – все еще обижалась на него жена.

– От рождения, – снова вступился я.

– Теперь я не уверена, – улыбнулась Лара. – Я вот до сих пор не знаю, что это такое и откуда берется, хотя пользуюсь постоянно, – поправила она свое короткое платье.

– Уверенность – это когда начихать, что о тебе думают остальные, – налил себе еще вина Антонио.

– Ну, тогда мог бы и мне заказать что-нибудь, а не философствовать, – начала изучать этикетку на бутылке Лара. – Сухим балуетесь? Я бы не отказалась от кавы.

Антонио, получив задание, двинулся к бару, ловко лавируя между отдыхающими. Вскоре мы потеряли его из виду, он канул в пучине сверкающей стаи тел, и наши глаза вернулись к столику, к корзинке с хлебом, бокалам с вином, закускам, друг к другу.

– Сколько вы уже выпили? Что-то он раздухарился, – взяла в руки салфетку Лара.

– По паре бокалов. Хочешь попробовать этот нектар? –

протянул я ей свой.

– Как погуляли с Фортуной? – пригубила и вернула она мне фужер. – Терпкое очень.

– Прелестно.

– Она тебя не утомила своими вопросами?

– Нет, вопросы были исключительно сердечного плана.

Мне кажется, это я ее утомил, – зацепил я пальцами бледный лоскут хамона и демонстративно положил себе на язык.

– Да уж, уснула буквально за минуту.

– Очень толковый цыпленок, – с удовольствием приватизировал я соленую терпкую плоть.

– Ага, знаешь, что она подарила папе на день рождения?

Набор нарисованных от руки открыток.

– Хорошо рисует?

– Да, десять открыток с бутылками и бокалами с вином.

– Я же говорю – смышленная. Даже не понимаю, в кого из вас?

– Все лучшее в детях – от женщин. Кстати, о женщинах. Мы уже несколько дней в Испании, а ты до сих пор один. – Лара пыталась поймать мой взгляд, который блуждал по окрестностям танцующей галактики в поисках сверхновых звезд.

– Ты тоже под впечатлением этого мифа, что я ни дня не могу без женственности?

– Вот и я говорю, что странно.

– Во-первых, я на отдыхе, во-вторых, женат, – пытался я

защитить свое благородное имя, отдирая от своей шкуры ярлык ловеласа и сердцеда. Так как никогда не был тем, кем меня близоруко видели друзья и знакомые. Возможно, виной тому был избыток моей фантазии.

– Только не говори мне, что ты решил вернуться к своей жене, – напомнила мне Лара, что у Антонио от нее нет секретов.

– Скажу, раз ты настаиваешь: сегодня у меня будет свидание.

– Ты серьезно? Свидание... – задумчиво произнесла Лара, и даже в этой темноте было видно, как у нее румянцем выступила зависть. – А говоришь – отдыхаешь? Где ты ее нашел?

– Сегодня днем, в холле. Она сидела передо мной, перелистывая свои бесконечные ноги, а я, еще ни разу не читавший таких интересных книг, не знал, с какой страницы начать этот роман.

– Конечно, ты же не знаешь испанского!

– Не знаю... Пока, надеюсь, что языки передаются поцелуями. Как ты считаешь?

– Какой же ты подлец, всегда умеешь так красиво завернуть. Ты настоящая отравка, ты любовный яд, счастливый недуг. В любом случае все зависит от тебя. Каждый мужчина на свидании – это, по сути, боец, штурмующий неожиданно возникшую на его пути прекрасную сексуальную крепость. Несомненно, его ждет успех, если он будет действовать под

девизом: «Взять любой ценой». Еще ни одна женщина не могла устоять перед щедростью. Искренне надеюсь – у этой испанки найдется противоядие.

– Ничего личного, просто флирт.

– Будешь играть на чувствах?

– Зачем играть? Мы же не в театре. Хотя, знаешь, в школе я думал поступать на актерское...

– Зря не пошел, думаю, у тебя бы получилось. Для мужчины флирт – это система Станиславского, которую ему надо ставить постоянно, как общеукрепляющее.

– Ты права, людей тянет к сцене, одним хочется смотреть, а другим – играть, и тем и другим не хватает разнообразия, – наполнил я бокал и снова протянул Ларе.

– Как в целом у тебя? – бросила в мой бокал два кубика льда Лара.

– Не так, как в кино: работы много, любви мало.

– Но роль-то у тебя главная?

– Скорее второго плана.

– Легкое ощущение профнепригодности? – толкала соломинкой лед в фужере Лара.

– Раньше было такое: что это не твое, что твое гораздо значительней. Стоило только задуматься о смысле жизни, хотелось бежать без оглядки, – смахнул я крошку со стола легким щелчком среднего пальца. Та полетела к стройным ножкам соседнего столика.

– Вредно много думать о смысле жизни.

– Да, это словно в пропасть смотреть, пытаясь взять на мушку цель своей жизни, – нашел я еще одну и перезарядил ружье.

– Взял?

– Вроде того.

– И что же оказалось целью?

– Оскар.

– То есть?

– Я понял, что для полноты жизни очень важно увидеть себя со стороны и все время держать в поле зрения. «Я» должно следить за Оскаром, чтобы объективно ощущать этот мир. И тогда жизнь твоя проходит в формате 3D. В нас настолько много «Я», что оно заслоняет само наше бытие.

– Получается?

– Когда чувства не мешают, получается, – сделал я второй выстрел, и пуля попала в цель. Однако на выстрел никто не отозвался, даже не оглянулся.

– А ты не боишься раздвоения личности?

– Пойми, речь не идет о раздвоении. Если «Я» отвечает за продвижение личности, за положительную динамику, то Оскар – за целостность, за общую картинку.

– А сейчас я с кем общаюсь – с Оскаром или с тобой?

– Слушает Оскар, а говорю я.

– Скажи мне, что это шутка, и я поверю, – отпила из бокала Лара.

– Да нет же. Разве с тобой не бывало такого: иногда чело-

век говорит, а ты не слышишь его, думаешь о своем, вот я, например, говорю, а ты не слушаешь, – улыбнулся я. – Это все происходит оттого, что «Я» в тебе доминирует.

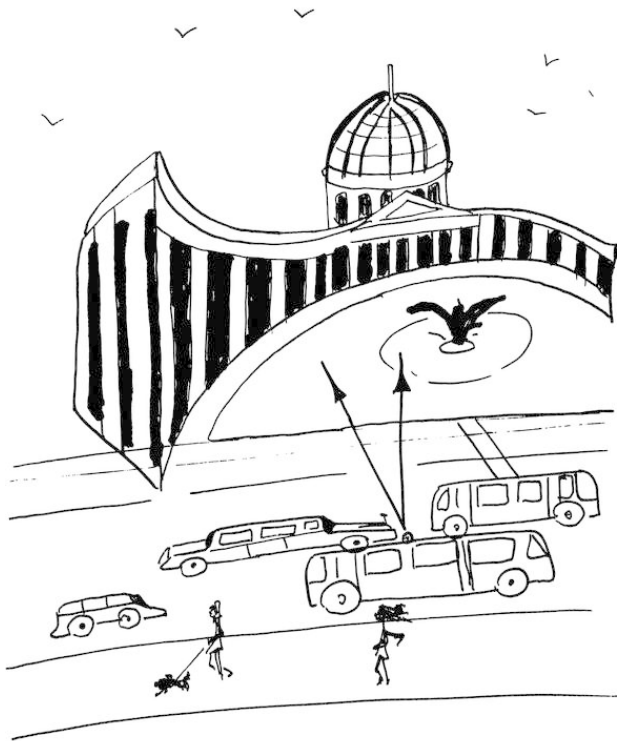
– Я думала, что подсознание бережет разум от лишних слов.

– Нет, скорее, бессознательное. То есть «Я» в этот момент полностью поглотило сознание. Вижу, мое «Я» тебя загрузило?

– Да уж, никакое сознание здесь не поможет, – засмеялась Лара, переводя свое внимание на сцену клуба, на которую вышли музыканты.

«Некоторым нравятся крупные», – подумал я, отпустив свой взгляд туда же.

Видно было, что один из них взял себе женщину не по размерам. Я ничего не имел против крупных женщин, но эта, широкой кости красавица, была на голову выше своего кавалера. Пытаясь ее обнять, он положил одну руку ей на плечо, другую – на талию. Пытаясь затронуть струны ее души, он волновался сам еще больше, то и дело поправляя прядь ее длинных волос, стекающую на грудь и ниже. Девушка отвечала приятным низким голосом. В ее негибком теле было много от дерева, но попа шикарная, парочка бросалась в глаза массам, ей аплодировали. Скоро я тоже согласился с толпой: их медленный танец был прекрасен и гармоничен.

– Как они танцуют! – указал я Ларе на сцену, где молодой человек играл на контрабасе.

– Блестяще, – улыбнулась она мне. – А некоторые не то что танцевать – разучились смотреть друг на друга, интере-

суясь близкими, как прогнозом погоды, не зная, что ожидать, – сделала в этот раз она хороший глоток и присвоила бокал, оставив его в своей ладони.

– Ты нас имеешь в виду? – окинул я взором помещение, выискивая Антонио.

– Нет, тех, кому лень оторвать свою задницу от барной жизни, в которой нет ничего захватывающего, все как всегда: мужчины напиваются, утрачивая свое обаяние, женщины рисуются и исчезают за недостатком должного внимания, – сделала еще один глоток Лара и вернула мне фужер.

– Теперь я понимаю тягу женщин к художникам. Последние умеют смотреть и рисовать их такими, какими они хотели бы себя видеть. А женщины готовы вдохновлять. Я всегда мечтал быть художником, – поднял я переходящий кубок, заведя вдали Антонио, который продвигался, словно ледокол среди танцующих льдин, к нашему столику с бутылкой шампанского.

– Тебе мало женщин? – ждала свою каву Лара.

– Нет, я никогда не смогу их видеть, как они, перевоплощать.

– Опять про плоть, хоть бы раз о душе! Будет тебе испанская на этот вечер. Незнакомая. Как ты относишься к незнакомкам?

– К прекрасным – прекрасно.

– Лично я с незнакомыми всегда чувствую себя не в своей тарелке. А ты?

– Иду дальше, представляя, что же будет не в своей кроватке.

– Пошляк. Это я не тебе, – сказала Лара удивленному Антонио, когда на столе возникла бутылка кавы.

– Я же говорю, что художника во мне не хватает, я бы нарисовал изящнее.

Я вернулся под утро в свою палату отдыхающего, где уже давно спали Антонио, Лара и малыш. Разбитый, будто переспал со смертью. Я был настолько пьян и обессилен, словно мое мужское самолюбие уязвили в самое сердце. «Жизнь и смерть – две женщины, одна из них тебе уже дала, другая обязательно даст, когда первая разлюбит окончательно и скажет: «Хватит, дорогой, не надо меня обманывать». Или нет, не так: «Чувак, пошел вон! Тебя ждет эта сучка – смерть, она звонила, спрашивала к телефону твою душу», – копошились в муравейнике моего сознания насекомыми мысли. «Им о сексе со смертью мечтать не приходится», – посмотрел я на спящих друзей, пробираясь к себе на балкончик. «Но как знать, ведь именно она делает многих мужчинами, посмертно награждая бессмертием», – ухмылялся я собственному тщеславию, награжденному в эту ночь прекрасной испанской гитарой. «Это вам не с контрабасом танцевать... Не женщина, а фламенко. Вот бы ночь с такой провести... в этой раскладушке», – вдохнул я звездную ночь и накрыл себя саваном сна.

В комнате пахло супом, Лара сидела в самом эпицентре одиночества в душегубке быта, жадно-рыжее солнце лаяло на нее в окно, будто его кто-то натравил. «Развернуть бы этот газ в профиль, – усмехнулась она. – Жаль, что у шарообразных нет профиля, как нет и лица». Она встала и задернула занавески, вылив тень в комнату. Если бы ее спросили в этот момент, о чем она размышляет, вряд ли бы Лара смогла это сформулировать, она думала о своем, для нее это и было медитацией. Мысли – жевательная резинка извилин, а выплюнуть – значило сконцентрироваться. Сейчас ее точкой зрения была муха, которая карабкалась по вертикали стекла. «Даже у мух есть крылья», – подумала Лара, когда неожиданно это откровение вспугнул звонок телефона.

Звонила София, подруга, с которой Лара училась на филфаке в универе. Она была из тех подруг, которым можно было звонить в любое время, по любому поводу, даже без повода. Возможно, именно поэтому созванивались они крайне редко. Кроме того, что София была умна и бескорыстна в общении, наряду с пятью женскими чувствами: ревностью, щедростью, завистью, преданностью, добротой – она обладала шестым, самым главным, – чувством юмора.

– Алло!

– Привет, София! – взяла со столика телефон Лара и сде-

лала тише телевизор.

– Привет, милая. Что-то давно не звонила. Как ты?

– Февраль, нарезать лук и плакать, – вспомнила Лара про суп, прошла на кухню, подняла крышку. Глянула в глаза супу, тот перекипел, но продолжал нервничать, не зная, на кого выпустить пар.

– Мой февраль тоже по Пастернаку. А самой-то трудно было набрать?

– Не то слово, ты же знаешь, как трудно звонить друзьям, когда не надо.

– Ну да, – смехом отозвалась София.

– А ты как? – выключила плиту Лара.

– Вроде бы суббота, хочется чего-то эдакого, но на душе пусто.

– Вот и в моем холодильнике ни черта.

– Что, совсем?

– Приелось как-то все, – вернулась в зал Лара и села на диван к телевизору.

– Лень тебе задницу оторвать и сходить в магазин.

– Так ведь она же прекрасна, – встала Лара с дивана, подошла к зеркальной двери платяного шкафа, стала разглядывать свои бедра, приподняв платье.

– Кто?

– Задница. А так наберу продуктов – и прощай, моя красота, – удовлетворенно опустила она подол и вернула свои ягодицы дивану.

– Красоту надо беречь.

– Ты бережешь?

– Ага. Сажу крашу ногти.

– Правильно. Суббота – это день, когда очень хочется отдохнуть.

– Но пока думаешь, с кем это сделать, наступает воскресенье – день, когда очень хочется отдохнуть ото всех. Тем более денек так себе. За окном осень капает всем на мозги. Время сбрасывать с себя прошлогоднюю листву, – любовалась блеском своих ногтей София.

– Все-таки решила расстаться с ним? – продолжала смотреть на экран Лара, то и дело переключая программы, будто таким маневром можно было поменять тему разговора.

– Да я уже. Угадай, какой цвет лака я выбрала?

– А что тут гадать, раз свободна, значит, красный.

Как и всякая женщина, София искала идеального мужчину. Такого мужчину, который мог бы любить, будучи готовым, что в любой момент его могут послать, даже не имея на то веской причины. Он должен был бы знать, что это всего лишь значит, что ближе его нет никого. Во-первых, надежного, который будет готов бесконечно быть рядом. Во-вторых, терпеливого, который будет готов остаться один на всю ночь без секса в голодной постели, которого она могла бы разбудить телефонным звонком, при этом слух его всегда должен быть абсолютным, способным трепетно сочувствовать. В-третьих, понятливым: мужчина в ее глазах должен

быть готовым к ее глупым порывам, когда, бросая в сердцах в чемодан вместе с многочисленными платьями веские причины, она соберется вдруг уходить, с целью проверить, насколько он сильно влип и нужно ли ей продолжать спектакль... В-десятых, незаметно поднять ее настроение молчаливым утром, когда холодный кофе взглядов стоит в горле комом. В общем, она искала того щедрого, наглого и даже бесстыжего мужчину, у которого будет достаточно сил исполнять ее капризы.

– Я прямо чувствую этот пронзительный сексуальный запах ацетона, – добавила Лара.

– Он только для женщин сексуальный, для мужчины это запах вредного химического производства, – залилась смехом София.

– По какому поводу разбежались? – не найдя ничего путного, выключила «ящик» Лара и стала рассматривать свои ногти.

– По гороскопу. Сидела на работе, листала журнал. А там черным по белому: «Если у вас с кем-то не складывается, попробуйте вычесь».

– Надоел?

– Или я ему.

– На работе надо работать.

– Да и дома тоже надо. Только никакого настроения нет для этого. Кто бы пришел помыть полы...

– Я точно не приду, у меня своего пола хватает. Зав-

тра прилетит муж, – резко вскочила Лара, разбуженная собственным подсознанием.

– Соскучился, наверное?

– Надеюсь.

– Я тоже соскучилась. Может, вечером заглянешь? Страшно спать одной.

– Если тебе страшно спать одной, заведи любовника, мужа, в конце концов, – подошла Лара к платяному шкафу.

– Как? Без любви? Тогда мне будет страшно просыпаться. А ты что, уже любовника завела? – складывала в коробочку предметы маникюра София.

– Заведешь тут. Верность – это мое повседневное платье, – плавно отодвинула зеркальную дверь Лара, словно это была дверь в Зазеркалье. «Только я давно уже не Алиса», – подумала она про себя.

– А какое вечернее?

– Преданность.

– С таким багажом только в гости к родителям ходить. Чем занимаешься?

– Стою перед гардеробом своих капризов и не знаю, какой надеть.

– Тебе все к лицу. Ума не приложу, как тебе это удастся?

– Женщина всегда будет выглядеть превосходно, если любимая, – перелистывала она висящие в Зазеркалье декорации к ее телу.

– Завидую.

– Это лишнее, лучше наберись мужества, подойди к зеркалу и посмотри на правду.

– Ой, страшно! – София достала из той же коробочки зеркальце и заглянула в него. – Да вроде ничего, морщинок стало больше. Мне кажется, крем не подходит.

– Да какой крем, твои морщинки – это твои мужчинки. Любовь зла, – обдала сочувствием трубку Лара.

– Но где найти козла? Ты же знаешь, я очень хотела быть любимой, но почему-то стала любовницей.

– Не вижу разницы, – остановилась Лара на голубом куске ткани с открытыми плечами.

– Вот и я не вижу, но чувствую... – положила обратно в коробочку свое отражение София.

* * *

Теплый бриз скуки обдувал посетителей заведения. Пластиковые столы не располагали к откровенности. Легкие разговоры летних платьев и рубашек заливались холодной сангрией: этим душным летом и в наших краях она оказалась как нельзя кстати. Мы тоже заказали себе кувшин вина и блюдо закусок из испанской кухни. Официант довольно быстро нарисовал его на столе вместе с двумя бокалами. Я как зачарованный любовался кровью, которая играла кубиками льда и фруктами в кувшине под переборы испанской гитары, Антонио продолжал мучить газету. Я наполнил ста-

каны и поднял свой. Антонио сдал макулатуру пустому стулу и поспешил на праздник. Мы чокнулись и сделали по хорошему глотку. Холодная виноградная река приятной прохладой устремилась в самую душу. В голове поселилась непонятная радость. Я знал, что она сняла там угол на час, максимум – на два, пока вино не притащит теплую грусть и ностальгию по настоящей Испании.

– Какой прекрасный понедельник! Почему люди так не любят понедельники? – поставил стакан на стол Антонио.

– Потому что всю неделю они планируют в этот день начать новую жизнь, но в выходные кажется, что и старая вроде ничего. Все знают, что надо жить по-другому, но упорно продолжают жить по-своему, одни – чтобы выжить, другие – чтобы выжить остальных. Давай перезагрузимся! – поднял я стакан. Мы чокнулись и снова глотнули прохлады. На Иберийском полуострове нашего стола возникли моллюски и мидии, вечер обещал стать приятным десертом набитого отдыхом дня.

– Схожу в туалет, – предупредил я Антонио, когда уже встал со стула.

– Ок, жду.

Разговоры не менялись вот уже несколько лет: немного семьи, немного политики, современных машин, женщин, нравов. Потом он переходил к своей главной страсти – к парашютам. О прыжках он мог говорить бесконечно, рассуждая, как, где и при какой погоде какой купол лучше всего исполь-

зовать. Он любил весело рассказывать о несчастных случаях, которые не добавляли настроения и которые я знал уже наизубок. Особенно его забавляли те случаи, в которые попадали опытные инструкторы. Антонио пытался понять, почему даже профессионалы теряют самообладание в критические моменты. Он детально расписывал мне, к каким последствиям ведут те или иные ошибки.

– Я вижу по твоим глазам, что тебе не хватает в жизни адреналина, ты стал жить слишком спокойно, тебе нужен хороший затяжной прыжок, чтобы встряхнуться, – настаивал он. Эта фраза означала, что Антонио уже «хороший».

– С тобой готов прыгнуть даже без парашюта, – отшучивался я.

Мне казалось, все будет как прежде, но именно сегодня я ощутил, что, несмотря на то, что он по-прежнему листал газету, что-то менялось в человеке, которого Оскар так хорошо знал. Что-то безвозвратно уходило, испарялось, это можно было бы назвать одним общим словом «интерес», хотя они до сих пор прыгали вместе. Если же взглянуть с другой стороны, возможно, это хобби, в которое Антонио незаметно вовлек Оскара, осталось той единственной нитью, стропой, соединяющей их. Дружба тоже способна уходить, как и любовь. В этом не было никакого сомнения, с той лишь разницей, что найти новую дружбу было гораздо труднее или даже невозможно.

С каждой новой встречей Оскар боялся того, что снова

придется пересматривать фото воспоминаний из прошлого, которые уже набили оскомину и усталость. Времена приключений малого совместного бизнеса, когда они с Антонио были настоящими пиратами, а сокровищами служили товары из Турции, Китая и Эмиратов. Когда вся страна дышала одной грандиозной авантюрой, питалась мошенничеством, мечтая о могуществе. Когда каждый на своей шкуре испытал, какая веселая штука жизнь, но штуки мало.

Пока я гонял по небу взглядом стада редких, исчезающих видов животных, Антонио вновь взялся за газету. Я уже точно знал, что сейчас будет порция свежих новостей из желтой прессы, после которых сама жизнь начинает пахнуть дешевой газетой.

– Послушай, что здесь пишут, это тебя позабавит, – начал цитировать он: «Жена мужу отрезала член лишь за то, что он его засунул в другую. Тело бедняги, потерявшего сознание, забрала «скорая». Самым забавным остается тот факт, что утерянное достоинство так и не было найдено. Жена его спрятала или проглотила».

– Жестоко. Что за чертовщину ты читаешь?

– Колонка строгого режима.

– Там повеселее ничего нет?

– «Мужчину заказала жена, – продолжил Антонио громким низким голосом. – Он ее порядком достал, и она решила избавиться от него также оперативно. Итогом операции с контрольным выстрелом должно было служить доказатель-

ство в виде отрезанного мизинца несчастного. Благо, что в роли киллера оказался оперативник, жене потерпевшего дали три года. Что самое интересное, теперь он носит ей передачи».

– Это выше моего понимания. Но если бы он сказал, что никто ему больше не дает, это бы выглядело правдивей. Ты всему этому веришь?

– Не знаю. Но ведь такое сплошь и рядом: жила себе прекрасная пара, и вроде все у них было хорошо – и королевская свадьба, и клятвы верности, и даже дети, а через некоторое время ты узнаешь, что она распалась.

– Это из личных архивов? Надеюсь, не ты?

– Нет, это мои одноклассники. Чем можно это объяснить?

– Пресыщенность. Когда у человека есть все, и любовь в том числе, хочется чего-то большего.

– Чего же можно еще желать?

– Ненависти, например. Чувств много, человек один. Ему трудно. Вот представь, лежит у тебя на столе одна большая горячая любовь, которой ты питаешься, а рядом в вазочках соусы, то есть другие чувства. Любовь и любовь, вроде как ел уже, и не раз, но с соусами – совсем другое дело. Ты отрезаешь любви, насаживаешь на вилку, макаешь то в чувство мести, то ревности, то собственного достоинства, в общем, ищешь новые вкусы. Я про десерт за соседним столиком, – кивнул я в сторону.

– Хорошенькая, – засмотрелся на женщину Антонио. –

Жаль, что я на диете.

– Ни сладкого нельзя, ни соленого, ни острого... Однолюб. Из миллионов женщин, населяющих эту планету, ты живешь с той единственной, которая настойчиво требует, чтобы именно ты ей говорил те слова. Чем назвать этот каприз: любовью или занудством?

– Любовью. Хотя иногда кажется, что любовью здесь даже не пахнет.

– Значит, редко о ней говоришь, – посмотрел я на блестящий под солнцем широкий лоб Антонио.

– Язык не поворачивается, – заставил он меня взглянуть на его губы.

– Так и бывает. Она пробежит, потом закашляется, споткнется и чихать на тебя. Будто страсти порыв простыл, будто сигарета погасла, – посмотрел я на свою, которая тлела, уткнувшись талией в пепельницу. – И этот дурацкий вопрос все время в ее глазах: «Ты же любишь меня? Ты же меня любишь?»

– Да, желание быть любимым, как ни крути, самое тухлое, самое беспощадное, – начал выуживать пьяными пальцами фрукты из кувшина Антонио, то и дело поглядывая на прекрасную незнакомку, которая занялась своими чудными волосами, аккуратно заплетенными в косу. – Теперь я понимаю, почему женщины так задвинуты на своих волосах. Для чего им непременно нужны густые и шелковые, и что они готовы пожертвовать многим ради этого, – проверил на вся-

кий случай ладонью свою короткую стрижку Антонио.

– Этот шелковый ветер им нужен для рукоделия. На случай, если не удастся плести веревки из мужчин, – обратил я внимание, как прибавилось седины в его волосах за то время, пока я отсутствовал.

– Забавно получается: живешь, живешь сам по себе, ищешь себя, ищешь во всем, а находишь в ком-то, – проглотил он какую-то сливу и зажмурился. – Почему мужчин так тянет к незнакомкам?

– С незнакомками всегда было легко: можно написать, можно спросить, можно просто посмотреть, прокрутить в голове будущее, улыбнуться и не сказать ничего, так и оставшись незнакомым.

– Последнее не про тебя. Откуда у тебя этот талант так охмурять женщин?

– Это не талант, это почетная обязанность.

– И что ты находишь здесь почетным?

– Ничего, по четным я работаю, – устал я уже доказывать миру свою моногамность, понимая, что людям было удобно иметь на примере какого-нибудь знакомого Казанову, чтобы наедине с самим собой рассуждать о том, какая у него замечательная свободная жизнь, а в паре – осуждать всякий раз подобный образ жизни, муссируя последствия.

– Он тебя любит?

– Да.

– Не изменяет?

– Нет.

– Тогда чего тебе не хватает?

– Цветов, – посадила их Лара тихим голосом в трубку, вспомнив, что скоро уже надо будет закупить луковицы тюльпанов для клумбы во дворе.

– Цветы... Я бы тоже не отказалась, – посмотрела София на пустую вазу, дышащую прекрасным букетом белых трепетных роз, но промолчала. Она хотела поговорить по душам, а легкий запах зависти мог бы затушить любую искренность.

– О чем ты задумалась? – ждала ее Лара, все держа в руках лоскут ткани, который она хотела накинуть на себя завтра, когда приедет муж.

– Как одна случайная связь смогла оказаться связью между прошлым и будущим.

– Значит, не случайная, а уникальная.

– Я не понимаю: ты переживаешь или осуждаешь?

– Никто тебя не осуждает.

– Ты не знаешь, что такое настоящее одиночество. Это когда некому помочь расстегнуть платье.

– А по-моему, настоящее одиночество – это когда некому его застегнуть, – выплеснула на спинку стула голубую лагуну Лара. Платье обняло ее и застыло в ожидании бала.

– Значит, осуждаешь. Ладно, тебе можно. Только помни, что, если ты берешься кого-нибудь осуждать, неплохо было бы начать с себя, – прошла на кухню София, с желанием сварить себе какао с молоком.

– Это невыгодно: сразу захочется сделать маникюр, причешку и пойти за новым платьем.

– Так сходи и купи себе хоть раз платье вместо продуктов, – открыла она буфет.

– Схожу, только не сегодня.

– Не сегодня – значит, никогда.

– Ну почему же сразу никогда? Лучше расскажи, кого ты встретила?

– Да так, одного прекрасного юношу, – достала София пачку какао.

– А сколько ему?

– Феликс на семь лет моложе меня.

– Не знаю, почему мне всегда нравились взрослые мужчины?

– Не волнуйся, это возрастное, где-то после сорока потянет к юношам. Просто у меня это случилось раньше, – насыпала она в турку какао и налила воды.

– Не пугай меня такими цифрами. Если даже потянет, главное – не упасть, – оставила без света Зазеркалье Лара,

закрыв шкаф.

– В разврат? – зажгла плиту и поставила жестянку на огонь.

– Скажи еще, в содом. Интересно, с чего же все началось?

– С мартини. Я думала, что же он скажет? Банально: «Как вас зовут?», «У вас глаза такие красивые, что голова моя кружится» или «Вам муж не нужен?». Я уже прокручивала варианты ответов: «Извините, нет времени» или «Я почти замужем», а он... – загадочно взяла паузу София. – Угадай, что он сказал?

– «У вас зажигалки не найдется?» – села Лара обратно на диван, где, закрыв глаза на ее болтовню, клубком свернулась кошка.

– Нет.

– Сдаюсь, – начала она гладить ее шелковую лоснящуюся шубку.

– «Давайте без лишних слов поцелуемся», – взял, да и обезоружил. Все выходные провели вместе. Вчера он меня в мексиканский ресторан водил. Обожаю латиноамериканскую кухню и музыку, – добавила она молока в турку.

– Романтично.

– Ну да, если не считать, что я все время тянула его танцевать, а он ни в какую.

– Зря, танцы – это пятьдесят процентов успеха в завоевании сердца женщины. Можно даже ничего не говорить.

– Ему это не мешало молчать. Весь вечер он смотрел на

меня, как на богиню. Ты же понимаешь в знаках, скажи мне, если мужчина постоянно мнет салфетки и ломает пальцами зубочистки на свидании, что это значит? – достала из холодильника масло и нарезку из сыра София, подцепила изящно один тонкий дырявый пластырь и откусила.

– Что он не собирается ковыряться в твоём прошлом, а свое признание хочет изложить в письменном виде.

– Да? Я тоже так подумала. А если женщина?

– Что ей уже надоели переломы судьбы и эти любовные записки, – начала Лара будить кошку, касаясь ее локаторов.

– Блин, в быту гибнет настоящий психолог. Ты могла бы помогать людям.

– Да, но у меня образование филологическое.

– Слова – это именно то, чего многим не хватает. Поверь мне.

– Я чувствую, теперь и тебе не хватает.

– А ты думаешь, почему я тебе позвонила? Сегодня мы с Феликсом идем в театр. С утра думаю, какое мне надеть платье, – подала себе какао София и села за стол.

– Ты его любишь? – Лара снова посмотрела на свое платье, которое отдыхало на спинке стула.

– Да.

– А он тебя?

– Тоже.

– Тогда какая разница?

– Разница в возрасте, – сделала она глоток. Какао побежа-

ло утренней разминкой по ее жилам.

– Теперь ты постоянно будешь комплексовать? – с последним словом вспомнила вдруг Лара, что не сделала сегодня комплекс упражнений для пресса.

– Я бы не хотела, но эта мысль не дает мне покоя.

– Сколько у тебя их уже было?

– Ты про мысли или про мужчин? – пошутила София, и трубка ответила ей смехом. – Пять, – продолжила она.

– Много, прямо как чувств. – Взгляд Лары скользнул по паркету и докатился до противоположной стены с книжным шкафом. Она начала перебирать корешки книг. Имена знакомых писателей проносились у нее в голове, словно это была одна большая семья родственников, живущих где-то далеко, но, несмотря на это, готовых ее поддержать в минуты забвения. Квартира, как и часть ее мебели и книг, досталась им с Антонио от родителей.

– Вся надежда на шестого.

– Все принцы? – наткнулся взгляд Лары на корешок книги «Принц и нищий».

– Ты же знаешь, каково с ними. Бывает, встретишь принца, нафантазируешь с три короба, затем ходишь и спотыкаешься о них, пока не позвонишь кому-нибудь из бывших, чтобы помогли убрать это барахло, – накрыла она хлеб сыром и откусила.

– А этот?

– Феликс другой, он не принц, он искуситель, – соединя-

ла София терпкий сыр, душистый хлеб и какао из детства в один чудный букет вкуса.

– Знаю я. Покусает и отпустит, сиди потом, зализывай раны, буди меня ни свет ни заря.

– Включи меня в черный список.

– В ночной, ты хотела сказать?

– Постараюсь быть сдержанной. Как твои дети, кстати? Давно их не видела.

– Дети растут. Фортуна в школу пошла, – довела кошку Лара, та фыркнула недовольно и скатилась с дивана.

– А младшая?

– Кира тоже пошла. Нет, не в школу, просто пошла. На днях сделала первые шаги. – «Марк Шагал» – опять выхватил ее взгляд из шкафа альбом о любимом художнике, и ей самой стало смешно: «Куда он шагал? До сих пор никому не известно».

– Поздравляю. Надо будет заехать как-нибудь с игрушками.

– Боюсь, к тому времени, как ты заедешь, она уже будет играть в другие игры, – вдруг постаралась вспомнить Лара, как давно она играла во что-нибудь. И не смогла.

Женщина мягкая и покладистая, с каждым годом Лара все больше убеждалась в том, что жизнь ее довольно скучна и однообразна, несмотря на полный комфорт в большом загородном доме, в котором жили еще две семьи, несмотря на достаток, который их постоянно преследовал, несмотря на частые

вояжи на морское побережье, которые слыли лазурным индикатором того самого достатка. Если раньше она была уверена, что жизнь делит все человечество на два полушария: любимых и любящих, первые живут в южном и порой страдают от жары своих воздыхателей, другие обитают в северном, они почти всегда мерзнут в пылу безответных чувств, что лишь небольшая колония (где жила и она) обосновалась на экваторе, им повезло найти своего человека в стране вечной весны, то теперь все чаще Лару свербил мысль о том, что быт и дети были слишком слабым утешением смысла ее жизни, все чаще она задумывалась о том, что обласкивать и обслуживать мужа и двоих детей ей надоело. Эту мысль она всячески гнала, как голодную муху от ее раздобревших на блажи мозгов. Но та всякий раз возвращалась, стоило только начать мыть посуду.

Дела, любимого дела – вот чего не хватало. Жизнь ее прошла под крылом мужа. Там она свила гнездо. Там она вывела птенцов, но разучилась летать. Лара, конечно, знала, что жизнь слишком крохотна, чтобы тратить ее на нелюбимые дела. Но и они, вроде бы постепенно, стали тем необходимым, чем можно было заполнить время или, попросту говоря, его убить, оправдать свое земное существование, пассивную позицию, лень.

«Как-то мне надоело в душе наводить порядок», – решила Фортуна навести его на столе, хотя понимала, что и то, и другое – занятие бесполезное. Потому что в ее понимании вещи, что люди – часто занимают не свои места, сколько их ни переставляй. Она решила начать с книг, одна из них была раскрыта, это была пьеса современного автора:

– Откуда вы взялись, такая очаровательная?

– Не смотрите так строго, девушка всегда может быть лучше, достаточно предложить ей кофе.

– Может, лучше шампанского?

– Почему не кофе?

– Не люблю прелюдий.

– А кофе – это, по-вашему, прелюдия?

– Да. Шампанское – это флирт.

– Терпеть не могу флирт. А что нужно для безумия?

– Водка – это безумие.

– Тогда можно мне водки с апельсиновым соком?

– Почему с соком?

– Хочу сочного безумия.

– Так откуда вы?

– Я родом из одиночества. Вас не пугает, что я очень сексуальна?

– Кто вам такое соврал?

– Вы.

– Когда?

– Когда посмотрели. Кстати, кем вы работаете?

– Я работаю в одной крупной фирме.

– Менеджер по продажам?

– Откуда ты знаешь?

– Уже который день пытаешься впарить мне свою любовь.

Она закрыла книгу, вспомнив своего надоедливого одноклассника, что каждый день приносил к ее двери сезонные цветы.

Сегодня это были астры. Внимание приятно щекотало гордость, но для любви этого было мало. Она еще никогда не любила, хотя иногда ей казалось. Она не любила ломать голову над своим будущим, уверяя себя, что если его начать любить, то не останется свободы для настоящего, которое и без того занимало много места в ее прелестной светловолосой головке. Череп которой был прекрасен, прекрасна натянутая на него кожа, все отверстия просверлены кем-то великим по назначению правильной формы. Сейчас ее, как никогда, вдохновляла собственная красота, девственность любопытствовала, а кокетство помогало легко расправляться со взрослыми вопросами этой жизни. На столе лежало несколько книг, которые она могла открыть на любой странице, как камертон, просто настроиться, найти пароль к своему безделью. Сейчас в руки Фортуне попался альбом Дали, при этом голова ее не шла кругом, не болела, она верила в тараканы

усики старого монстра, динозавра шедевров, который развлекался со своими поклонниками... «А мне ломать голову: подумаешь, слоны на ходулях, время стекает сыром, горячие бутерброды вкуснее», – Фортуна была уверена, что многое из того, что она не понимала, в самом деле не интересно.

«И незачем время терять, вот девственность – другое дело», – воткнула она альбом в свое гнездо на книжной полке и бросила взгляд на окно, затянутое осенней плеврой: «Какой же он, первый мужчина?» Книги наводняли стол, все убирать на полку не имело смысла, они нужны под рукой. Фортуна просто сложила их в стопку и сдвинула на угол стола, все, кроме одной, которую она взяла у Вики. Кинула ее на кровать, чтобы почитать после уборки... Стерла невидимую пыль с зеленой статуэтки бога Хотея, толстого смеющегося человечка с полным пузом смеха, улыбнулась ему и поставила обратно: «Запылился, видимо, как и я, с утра не смеялся». Далее были отправлены в мусорную корзину два использованных билета в оперу, где она поспала немного под музыку Чайковского вместе с бабушкой, так как слушать ее в течение трех часов было выше всяких сил: «Уж полночь близится, а оперы конца все нет», – вспомнила Фортуна шутку своей бабули.

Ручки и карандаши были сложены в одну большую сувенирную кружку, листы бумаги, чистые и исписанные разными почерками ее мыслей, по которым она пробежалась глазами и тоже отправила в урну: «Бред какой-то», две купюры

по сто рублей: «Это точно не помешает», сложила деньги в карман брюк. Мандарин был очищен и тут же съеден, как награда за труд. «Все, все по местам», – упала Фортуна на кровать, ни взять, ни добавить, не то что в душе, в ней все было гораздо запущенней, если не сказать, хаос. Переплет, в который она попала, который нащупала под собой. «У каждого романа свой переплет», – подумала Фортуна, которая любила книги, и эта любовь не была похожа ни на какие другие, хотя и затрагивала все пять ее чувств. Ей нравился запах типографской краски, который исходил тонким ароматом от страниц, когда она перелистывала их, перебирая глазами буквы. Осязая бумагу пальцами, слышала ее шепелявую болтовню, которая с детства привила Фортуне хороший вкус, будто это была прививка на всю оставшуюся жизнь от творческого слабоумия, от болотного уныния, от собственной лени. Она открыла книгу на закладке:

- Может, еще по сигарете?
- Пожалуй, но сначала – по самолюбию.
- Значит, опять не останешься?
- Не останусь, покурю и домой.
- Поэтому прошу тебя, давай сегодня без флирта.
- Почему?
- Искренности ноль. Флирт только насмехается над чувствами. Будто две птицы в клетках признаются друг другу в любви, зная, что никогда не смогут из них вылететь, потому что крылья уже давно обрезаны, да и кормят вроде.

– Откуда у тебя дома женская заколка? – надевала Моника красный берет у зеркала, на полочке под которым лежал предмет ее любопытства.

– Видимо, от женщины. Кто-то поставил капкан для твоей ревности.

– Из всех мужчин я ревную только к тем, с которыми у меня что-то было. Зачем ты все время пытаешься мне о ней рассказать?

– Сбросить камень с души.

– Чтобы я построила из этих камней крепость?

– Точно! – застегнул он ей аккуратно верхнюю пуговицу пальто. – Это чтобы не надуло другой случайной любви.

– Зачем люди так стремятся быть вместе? – поблагодарила его улыбкой Моника.

– Потому что порознь они настоящие звери.

– А мне нравятся животные в мужчинах. Неужели ты считаешь, что настоящему мужчине так необходима красота?

– Уверен.

– Во внешности или в душе?

– Рядом. Я до сих пор не знаю, как найти подход к этой женщине. Я имею в виду тебя.

– Это потому, что ты уже подсознательно обдумываешь пути отступления.

Она перелистнула несколько страниц:

Я сидел за стойкой на табурете в баре, сзади подошла женщина:

– Угостите меня поцелуем.

Я ей налил, потом еще, позже разлил на двоих постель. Утром, чтобы голова не болела, за то, что было и будет, мы еще хорошенько хлебнули, так беспробудно друг друга пили несколько месяцев, пока однажды не поняли, что уже не можем без этого, алкоголики.

«Вот оно, современное искусство, – подумала про себя Фортуна, отложив книгу в сторону. – Открываешь на любой странице, и все понятно».

* * *

Фортуна повесила трубку и вспомнила Оскара, который налетел на нее, как шквал ветра, взял в руки лицо и прижал свои губы к ее губам. Теперь она сидела одна в своей комнате и дрожала от странного ощущения счастья, от страха того, что кто-то может вдруг отобрать у нее это счастье, если узнает, что произошло. Однако ни отец, ни мать давно уже не заходили к ней поцеловать перед сном. Фортуна слышала, как они ввалились в свою комнату веселые, пьяные, продолжив праздник в постели, но уже без гостей.

Она лежала в темноте с открытыми глазами, в который раз прокручивая в голове прошедший вечер от середины, когда мама только успела крикнуть: «Ваза!» А та уже бросилась танцевать под ритмы какофонии, которую устроили папа и Оскар, налегая своими задницами на клавиши. Ваза

прокатилась по крышке пианино и лопнула, как электрическая лампочка, не выдержав напряжения. Осколки жалости были быстро собраны. Через несколько минут и взрослые, и дети уже играли в бутылочку, утопив дом в смехе и поцелуях. Но эти невинные поцелуи были легкой прелюдией перед тем, долгим, что обрушился на Фортуну на кухне, куда ее отправили готовить чай. Где через минуту появился Оскар и завязал одним поцелуем те самые отношения, к которым многие шли годами. Те самые отношения – это когда ты бросаешь кучку своих встревоженных чувств на плаху любви и ожидаешь, а что же будет дальше? Ничего. Ничего особенного: казнь состоится, тебе снесет башку, ты будешь бродить без нее какое-то время на ощупь, пока не акклиматизируешься и отец не прочтет матери в вечерних новостях объявление: «Найдена женская голова, потерявшую просим позвонить по телефону... Интим не предлагать».

Больше всего в этой истории Фортуну смущало то, что придется скрывать это от матери, пряча лицо, выступивший вдруг румянец, при одном лишь намеке. Только сейчас Фортуна поняла, насколько же она была похожа на мать, которая за всю свою идеальную семейную жизнь так и не научилась лгать.

* * *

Лара была спокойна: Антонио, каким бы он ни был му-

жем, любил настолько сильно, что любое ее отсутствие без уважительной причины, будь то посиделки у подруг или походы по магазинам, расценивалось как измена. После которой он мог молчаливо ковырять ужин в тарелке несколько вечеров подряд. Поэтому вся ее долгая и, как казалось, такая перспективная жизнь заключилась в четырех стенах времен года со своими вечными соседями и картинами окон с выцветшими пейзажами, где она безостановочно повиновалась мужу и растила двоих детей. Если дни были длинными, потому что вставать приходилось рано, чтобы отвезти детей, кого в школу, кого в садик, то сама жизнь на поверку казалась короткой из-за однообразия. Даже частые выезды за границу на отдых слились в памяти в один короткий вояж с видом на море, в котором было все включено, начиная от загара, кончая скукой. Когда отдых длился дольше десяти дней, она начинала дико скучать по своему приусадебному хозяйству. Лара настолько обожала свой дом, что любой выход расценивала как забавное приключение, из которого приятно было вернуться в родную обитель.

Жизнь ползла бы так же хорошо и дальше. Если бы не дела Антонио, которые неожиданно начали давать сбои, да такие, что в конце концов ему пришлось закрыть свой бизнес и устроиться на буровую в одной нефтяной компании, подолгу пропадая в командировках. Тогда единственной ее отрадой, исключая детей, становились растения, которые тянулись к ней, как к солнцу, своими нежными лапками – одни с цвета-

ми, другие с плодами. Сад был ее самым дорогим детищем. Цветами она кормила вазы, а овощами и фруктами – стеклянные банки, которые потом аккуратно томились в погребе, ожидая праздничных и обеденных столов.

Дети росли, по большей части общаясь с матерью, и не только оттого, что отца часто не было дома, но даже в его присутствии. Мать часто выступала между ними в роли переводчика, посредством которого общался с детьми муж:

– Лара, ты не знаешь, Кира идет сегодня на тренировку? – спросил он, зайдя на кухню, где уже сидели за столом и жена, и Кира.

– Во сколько у тебя сегодня теннис? – посмотрела Лара на Киру.

– Как обычно, в шесть.

– Пойдет, – налила она чаю мужу, который уже сидел за столом и листал старую газету.

В этот момент позвонил я и сказал, что заеду к ним сегодня вечером с букетом хороших вин.

– Да, конечно, приезжай, пожарим что-нибудь у костра.

– Опять Оскар?

– Что-то он к нам зачастил, – суетливо стала считать со стола несуществующие крошки Лара. Сердцем она чувствовала, в чем причина моих столь частых визитов. Однако мозг не мог такое представить, не мог допустить эту мысль в голову.

Существовала и еще одна, более веская причина, которая

отдаляла девочек от отца. Детям не нравилась его жесткая манера общения. По сути, в доме гастролировал театр одного режиссера. Кукол дергали за нитки, которые были привязаны к самым болезненным точкам незрелой психики девочек. Так легче было завоевывать дешевый авторитет в семье и манипулировать девичьими душами, которые требовали свободы и равноправия с каждым днем все больше и больше.

– Заедем завтра в спортивный магазин.

– Зачем?

– Фортуне надо купить купальник для бассейна.

– Зачем тебе купальник, Фортуна? Может, купить просто плавки, все равно груди нет.

Младшей сестре, которая носила брекеты, тоже доставалось:

– Тебе слова не давали, Кира. Закрой свой рот, а то железом пахнет.

Лара понимала, что Антонио перегибает палку, однако не вмешивалась. Она считала мужа главным человеком в семье, главным по их капризам, и в вопросах воспитания полностью доверялась ему, считая, что девочки и так сильно обделены мужским вниманием. Ей удобнее было думать, что именно так проявляется его любовь к ним. В ее представлении любовь была той самой частью бессознательного, которую лучше не трогать: только начни ее осознавать, она тут же исчезнет или примет формы уважения, дружбы, ответствен-

ности, долга, превратится черт знает во что.

* * *

Фортуна и я шли сквозь грусть осеннего парка, дуло желтыми листьями. Мы ели тишину, как сладкие конфеты, фантики которых разбросаны повсюду. В ней чувствовался вкус победы над разумом, тоской и скукой, размазанной по небу. Разноцветные фантики слетали с деревьев, замедляя время. В каждой жизни есть место осени, во вкусах которой обычно недостаточно конфетного, а в шуршании – блестящей амальгамы, огрызки света тусклы.

– Никто не сможет объяснить причины грусти осенью.

– Тебе грустно со мной? – улыбнулась одними губами Фортуна.

– Нет, не с тобой, а с осенью.

– Я люблю осенние парки, где можно пройти сквозь редяющие кроны воспоминаний дорожками ностальгии и пошуршать бывшими. Какое-то прохладное умиротворение после пожара лета. Листья плавно кружатся в воздухе.

– Будто сама осень, раздеваясь, приглашает на танец, – нарисовались мы живым влюбленным пятном в сумрачном влажном парке.

– Ты неискоренимый романтик. Ну и чего же не танцуешь? Женщина тебя приглашает, – отпускала мою руку Фортуна.

– Не люблю слишком доступных, – задержал я ее ладонь в своей, привлек к себе и поцеловал, как в первый раз. После того как наши губы обменялись эндорфинами, я согласился: – Я тоже ее начинаю любить, осень.

Вдали работники парка сгребали в кучу листья и сжигали, как запрещенную литературу. Приятно потягивало дымом.

– Каждый лист – это письмо, – подняла Фортуна огромный желтый лист и протянула мне: – Читай! О чем там?

– О чем еще могут быть письма: об увядших чувствах, о прошедшем лете, о скорой зиме.

– Зима – это не так важно!

– А что важно?

– Важно – с кем, – остановила меня Фортуна и приподняла воротник моего пальто.

– А вот и почтальон, – махнул я вперед рукой. Навстречу нам шел молодой человек с венком из кленовых листьев на голове.

– Может, у него для нас есть письмо?

– Откуда?

– Из Парижа.

– Почему из Парижа?

– Почему-то дико хочется в Париж.

– Мир подсел на Эйфелеву иглу.

– Хорошая дурь. Там легко потерять голову.

– Была в Париже?

– Нет, но уже хочу. Я по гороскопу Париж. А ты кто по

знаку?

– Главная дорога.

– А, вот почему с тобой так легко. Чувствую, до добра это не доведет.

– Хотя бы до Парижа.

Природа с завистью смотрела на наше маленькое счастье. Было заметно, что настроение ее от этого портится. Потихоньку стал накрапывать дождь.

– Только бы не расплакалась, – поднял я голову кверху.

– Не верю я ее слезам, – подставила под капли руку Фортуна.

– Почему?

– Соли не хватает, – попробовала она на вкус то, что поймала, и протянула свою ладошку к моим губам.

– Да, действительно, совсем пресные и ледяные, – попытался я согреть кожу Фортуны своим дыханием.

– Хватит, щекотно, – забрала она руку и сунула ее в мой карман.

– Глядя на танцующие в воздухе осенние листья, я понимаю, что никогда не смогу так же, – произнесла Фортуна, сжимая своей ладонью мою.

– Потому что не хочешь ударить в грязь лицом? – Фортуна ущипнула меня за палец.

– Потому что хочешь танцевать вечно? – исправился я.

– Потому что не хочу танцевать одна. – После этих слов она сделала несколько па, словно ребенок, которому очень

хотелось, чтобы его похвалили. Меня хватило лишь на хитрую улыбку, после которой мы погрузились каждый в свое. Фортуне свое надоело быстрее:

– О чем мечтаешь? – разорвала она затянувшееся молчание.

– Не поверишь, нет ни одной мечты.

– А если вот так? – поцеловала она меня в губы.

– Приятно, но мало.

– И все? А что скажешь сейчас? – слились мы надолго в едином поцелуе. Руки мои невольно потекли от талии по ее телу. Одна из них пробралась под пальто к груди. Я почувствовал тепло женского тела.

– Есть мечта? – отобрала Фортуна свои губы и разбавила голубым мои карие глаза.

– Тебе откровенно?

– Да.

– Я мечтаю провести с тобой эту ночь, – не хотел я отпускать ее из своих объятий.

– Ну наконец-то. Теперь тебе есть о чем помечтать, мечтай, это не вредно, – зашуршала она от меня осенней аллеей. Я кинулся догонять мечту.

* * *

Фортуна валялась в постели, пересматривая снимки, которые ей сегодня удалось сделать, когда она гуляла по горо-

ду. Какие-то удаляла сразу, другие собирала в альбом. Она старалась подходить к выбору справедливо, не так, как раньше, когда было только два критерия отбора: нравится – не нравится, кое-что выставляла на публику в Интернете. После того как она закончила курсы фотографии для профессионалов, ее отношение к делу (именно так она его называла) стало более осознанным, она пыталась с первого взгляда понять слабые стороны того или другого снимка. Еще один пейзаж полетел в корзину, когда пришло сообщение от Вики.

Подруга, с которой они сидели в школе несколько последних лет за одной партой. После окончания их разбросало по разным университетам, однако, как и прежде, они разгуливали свободно в самых затаенных уголках души друг у друга, поддерживая в трудную минуту, чтобы те, неутомимые, не сбились с пути.

– Посмотрела мой новый альбом про Париж?

– Ага, – отписалась коротко Фортуна, закончив свою прогулку и оставив в покое свои фотографии.

– Ну как тебе?

– Потрясающий город. Только кое-что я на твоём месте сняла бы по-другому. Черт, как я хотела бы быть там на твоём месте, а ещё лучше – вместе с тобой.

– Что, совсем не понравились?

– Тебе честно сказать?

– Опять начнешь меня учить?

– Да нет, так, несколько советов.

– Валяй. Немного критики не помешает от специалиста, – иронизировала Вика.

– Ну давай с первых начну: голый пейзаж, надо было что-нибудь поставить туда, за что цепляется взгляд. Понимаешь, о чем я говорю?

– Не тупая, – поставила скобку после этой фразы Вика.

– Причем поставить в одном из зрительных центров. Далее, летящий поезд. Чувствуешь: чего-то здесь не хватает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.